

Ситуация внезапно приняла драматический оборот. Сун Жуйчжи, глядя на иностранца в рубашке и брюках и на хлыст в его руках, принялся анализировать своё положение.

Система 546 не передала ему сюжет этого мира, так что приходилось действовать по обстоятельствам.

Однако одно можно было сказать наверняка: этот мужчина — его цель для обольщения в данном мире. Об этом свидетельствовали одинаковые простые кольца на их пальцах.

— Ты сегодня такой непослушный, даже поранился, — прошептал мужчина.

Он полуприсел, деревянной рукоятью хлыста приподнял подбородок Сун Жуйчжи, а затем провёл пальцами от уголка губ до самой их середины.

— И поел плохо, совсем не бережёшь себя, — он убрал длинные волосы, спадавшие Сун Жуйчжи на грудь, за плечи. В его голосе сквозило снисхождение к нерадивому возлюбленному.

Да, длинные волосы. У Сун Жуйчжи были волосы до самой груди, а надет на него был светло-серый длинный сарафан.

Мужчина не заметил мимолётного удивления в глазах Сун Жуйчжи. Он продолжал поддевать его подбородок кончиком хлыста, и его голубые глаза слегка сузились:

— Почему ты сегодня такой непослушный?

Сун Жуйчжи, проследив за его движениями, наконец понял, какую роль ему предстоит играть. Он опустил голову и, не обращая внимания на хлыст в руках мужчины, подался вперёд, мягко прижавшись лбом к его сгибу локтя.

Тонкие, словно паутина, волосы рассыпались по груди мужчины.

Сун Жуйчжи, лёжа у него на руках, посмотрел на него снизу вверх, и в его глазах блеснули слёзы:

— Я не хочу здесь оставаться, здесь слишком темно.

Здесь действительно было темно — по всей видимости, это был оборудованный подвал.

Хотя на полу лежал мягкий ковёр, а рядом стояли диван и кровать, запястья и лодыжки Сун Жуйчжи были скованы железными цепями.

Сун Жуйчжи знал, что выглядит сейчас крайне соблазнительно, иначе мужчина не обнимал бы его с таким выражением боли и жалости на лице.

— Не капризничай. Ты сам виноват, что попытался сбежать тайком, — он слегка дёрнул за цепи на руках Сун Жуйчжи и тихо добавил: — Это наказание.

Сун Жуйчжи прильнул к нему, выглядя таким слабым, словно у него не было сил даже говорить.

— Впрочем, нужно тебя вознаградить. В качестве компенсации доза лекарства сегодня будет чуть больше.

Он открыл стоящий рядом чемодан и достал шприц.

Мужчина поднял Сун Жуйчжи на руки, усадил на диван, а затем опустился перед ним на колени. Глядя на него своими синими, как океан, глазами, он спросил:

— В какую руку хочешь сегодня?

Сун Жуйчжи повёл бровями, поднял обе руки и осмотрел их: на белой коже виднелись сплошные следы от уколов, покрытые корочками.

Он опустил взгляд и послушно произнёс:

— В какую ты сам хочешь?

Мужчина усмехнулся и протёр правую руку спиртовой салфеткой:

— В эту.

Его голубые глаза, казалось, превратились из спокойного озера в волчий взгляд, полный неприкрытой жадности.

Сун Жуйчжи смотрел, как игла пронзает кожу, а жидкость из шприца медленно вливается в его тело.

Процесс был мучительно долгим, достаточно долгим, чтобы он окончательно осознал, в какой ситуации оказался.

После укола мужчина снова поднял его на руки. Сун Жуйчжи был лёгким, словно пёрышко, и позволял делать с собой что угодно.

В тишине, ожидая действия препарата, Сун Жуйчжи просмотрел фрагменты памяти, переданные 546. После увиденного он мог сказать только одно: вот это поворот.

Через полчаса лекарство начало действовать. Сун Жуйчжи почувствовал лёгкое возбуждение, настроение колебалось между эйфорией и раздражительностью, а тело начало слегка подёргиваться.

Мужчина обнимал его, не давая совершать резких движений. Казалось бы, это он ввёл препарат, но при этом крепко держал Сун Жуйчжи, пресекая любую попытку пошевелиться.

Он молча держал его, пока приступ не прошёл. Убедившись, что Сун Жуйчжи успокоился, мужчина уложил его обратно в кровать, укрыл одеялом и поправил волосы.

— Отдыхай. Послезавтра банкет, с нетерпением жду, когда ты снова блистать будешь.

Сказав это, он поцеловал Сун Жуйчжи в лоб:

— Поцелуй на ночь. Сладких снов.

Затем он подхватил чемодан и хлыст, вышел из подвала и погасил свет.

Подвал снова погрузился во тьму, и лишь красные огоньки камер наблюдения мерцали в ночи, словно глаза дикого зверя.

Сун Жуйчжи коснулся лба в том месте, где его поцеловал мужчина, и вытянул из пустоты 546, который всё это время тихо лежал без дела.

Сун Жуйчжи спросил его мысленно:

— Ты ненавидишь меня? — это было утверждение.

546 долго мялся, прежде чем ответить:

— Это была случайность.

— Ну, это была чертовски большая случайность.

546 надул губы, заменил запись с камер наблюдения подвала на заранее подготовленную и наконец проявился в физическом облике.

Вид у него был виноватый:

— Миры для перемещения выбираются случайным образом, я и сам не знал, что так выйдет.

Сун Жуйчжи выбрался из-под одеяла, взъерошил волосы и, прильнув к 546, с сожалением произнёс:

— Ты знаешь, что я почувствовал, когда увидел свои длинные волосы и сарафан?

— Успокойся, ты всё ещё мужчина.

— От этого ещё обиднее. Я-то думал, что смогу исследовать области, о которых раньше не имел ни малейшего представления.

546:

Слова утешения мгновенно испарились.

Сун Жуйчжи перевернулся на бок, опираясь на 546, и, глядя на красные огоньки в темноте, тихо сказал:

— А мир-то довольно интересный.

Он накрутил на палец прядь волос у лба и посмотрел, как она расплетается — точнее, посмотрел на волосы Су Вэя.

Жизненный путь его нового хозяина был весьма извилист.

С малых лет он переехал к отчиму вместе с матерью, а отчим оказался извращенцем, предпочитавшим хрупких мальчиков.

Маленький Су Вэй рос, его черты лица становились всё изящнее, а фигура — всё тоньше.

Чувствительный мальчик быстро понял, что на уме у отчима, и попросил мать о помощи.

Но мать, ослеплённая любовью, потворствовала мужу, и единственной защитой, которую она придумала для сына, было заставить его носить девичью одежду.

За границей законы о защите детей были слишком строгими, и если бы стало известно о наклонностях мужа, её счастливая жизнь пошла бы прахом.

Так Су Вэй начал носить женскую одежду, но по мере взросления он обнаружил, что ему самому нравится ходить в платьях.

Отращенные длинные волосы и изящное лицо — он понял, чего хочет на самом деле.

Он был словно девушка с душой, заточённой в мужском теле.

В год смерти родителей он окончательно осознал свои желания и начал встречаться с парнями.

Он честно говорил им, что он — мальчик, который любит длинные волосы и платья.

Кто-то принимал его и понимал, кто-то считал отвратительным.

Но ругань не могла заглушить его стремление к любви. Он влюблялся, расставался, жил легко и весело.

Однако это было лишь до тех пор, пока он по-настоящему никого не полюбил.

Стоило ему отдать своё сердце, как начался отсчёт до его гибели.

Во время одного из путешествий он встретился с Аароном, и любовь вспыхнула, как масло, попавшее в огонь.

За три месяца они объездили всю Америку и Среднюю Азию. Под поздравления друзей он принял предложение Аарона и переехал в его особняк.

Если твой парень любит тебя, богат и чертовски хорош собой, то у тебя нет причин его ненавидеть.

Су Вэй не знал, что его любовь — ложь, так же как не знал, что погибнет от рук Аарона.

Отец Аарона и его мать были любящей парой, по крайней мере, в глазах окружающих.

Хлыст и проклятия отца делали мать покорной, и каждая её черта была именно такой, как нравилось отцу.

Потому что послушание и любовь были выбиты из неё кнутом.

Главной мечтой Аарона была жена, такая же покорная и образованная, как его мать, но это было непросто.

Аарон не любил женщин, поэтому найти послушного и милого мужчину на роль жены было крайне сложно.

До встречи с Су Вэем у него было несколько партнёров, но, увы, никто не дотягивал до идеала, созданного в его голове.

Поэтому Аарону оставалось лишь хоронить их в своём саду.

Но вскоре небеса сжалились над ним — он встретил Су Вэя.

Длинные волосы, женственные черты лица, даже зелёные глаза были точь-в-точь как у матери.

Аарон мгновенно пал к его ногам, и Су Вэй, угодив в ловушку, быстро утонул в этой любви.

Аарон с радостью увёз его в своё поместье.

Однако вскоре он понял, что Су Вэй далёк от идеала.

Например, он не был кротким, в его характере преобладали страсть и дерзость. Он не был целомудренным, у него было много романов, и он улыбался многим мужчинам. Самым ужасным было то, что Аарон не был его первым мужчиной.

Аарон не мог этого вынести. В его памяти мать никогда не улыбалась другим мужчинам.

Она улыбалась только отцу, а с остальными держалась холодно и высокомерно — и это было достигнуто с помощью хлыста.

Поэтому Аарон не отказался от Су Вэя. У него тоже был хлыст, и он собирался сделать Су Вэя таким же, как мать — нежным, хрупким и зависимым только от него.

Так ослеплённый любовью Су Вэй оказался заперт в подвале.

Он был словно редкая кошка, которую пытались приручить: если вёл себя по усмотрению хозяина — получал ласку, если нет — его били до тех пор, пока он не становился послушным.

Су Вэй не мог сопротивляться, у него не было власти, к тому же у него был младший брат.

Ему оставалось только терпеть. Он терпел хлыст и уколы, словно растение, вынужденное расти в тесном горшке, постепенно превращаясь в то, что требовал Аарон.

Он терпел боль и втайне договорился с дворецким, мечтая сбежать из клетки и спасти брата.

Но Господь любит трагедии.

Во время очередной «дрессировки» Аарон ввёл слишком большую дозу препарата, и Су Вэй скончался прямо в подвале.

После смерти он не обрёл покоя — как и предыдущих любовников, его закопали в саду.

Его брат У Цин после смерти Су Вэя решил, что это дело рук Аарона. Он хотел отомстить, но подчинённые Аарона по его приказу подстроили аварию во время гонок.

У Цин остался инвалидом, потеряв ноги.

— Так что это не самая приятная история, как и то, что я не люблю квадратные арбузы, — Сун Жуйчжи лежал на коленях 546, глядя на мерцающий красный огонёк. — И я не люблю, когда кошкам обрезают усы и когти.

— Тот, кто любит кошек, так с ними не поступает, — 546 заплёл длинные волосы Сун Жуйчжи в маленькие косички. — А что до историй, то задачи, которые ты выполняешь, никогда не бывают добрыми сказками.

<http://bllate.org/book/21598/2226887>